

ОСЕНЬЮ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО...

Писатель П. Мелибеев готовит сейчас к печати книгу рассказов о людях искусства. Называться она будет «Только один спектакль». Перед читателем пройдут и не выдуманные, знакомые многим мастера сцены и художественные образы, созданные автором. Сегодня мы публикуем отрывок из этой книги — рассказ без вымысла «Осенью сорок четвертого...» — об артистах краевого драматического театра, вдохновенно отдававших в годину испытаний свой талант людям.

Осенью 1944 года из Москвы пришла телеграмма: театру поручается выехать на фронт для обслуживания действующих частей 1-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Радостное сообщение! Вступить в частях, ведущих победное наступление, изгоняющих врага из пределов Родины, стремились каждый.

На подготовку — всего две недели. Труппа разбита на две бригады. Срочно репетировали спектакли «Мнимый больной» Мольера и «Последняя жертва» Островского. На фронт просили не привозить спектаклей на военную тему. Репетировали днем и вечером. Изготовили специальное оформление сцены — его легко поставить на любой площадке и даже на платформе грузовика.

Опять в пути. По разбитым военным дорогам Белоруссии и Латвии, порой между еще не обезвреженными минами. Спектакли и концерты даются ежедневно в только что освобожденных от врага городах и местечках. Играл в полуразрушенных помещениях, в сараях, а то и просто под открытым небом, но всегда при огромном стечении зрителей, только что вышедших из боя и готовых снова в бой.

В Латвии произошел такой случай.

Играли вблизи передовой в просторном бревенчатом сарае. Помост из толстых досок молниеносно соорудили солдаты хоззвода. Но даже просторный сарай не мог вместить всех, желающих посмотреть спектакль. Только открыли занавес — бревна задней стены рассыпались и импровизированную галерею сейчас же заняли зрители в серых шинелях, с автоматами и винтовками в руках. Одни удобно устроились на расклеванных бревнах, другие догнали к пролому грузовики и облепили их. Потом отвалилась правая стена, следом левая — получили боковые ложи. А от сарая остались толстые дубовые столбы и крыша на них. Зато спектакль «Последняя жертва» смотрел весь полк.

Едва закрыли занавес, на сцену поднялся командир полка.

— Спасибо, товарищи артисты! Порадовали нас. Спасибо! — Он повернулся к зрителям, поднял руку, призывая к тишине, и когда стихли аплодисменты, сказал: — От имени всех я поблагодарил артистов, а нам время терять нельзя. — Он взглянул на часы. — Десять минут на сборы, и по машинам. Вперед! Рига ждет освобождения!

Не успели артисты раздеться и снять грим, а полка уже не было, только вдалеке слышался рокот удаляющихся машин, да солдаты хоззвода торопливо вкладывали на места бревна разваленных стен сарая.

Случалось и по-другому.

Это было в нескольких километрах от города Добеле. Концерт в госпитале, размещенном в двух-

этажном здании школы. Выступали в просторной столовой на первом этаже. Раньше здесь был спортивный зал — сохранилась шведская стенка, в потолке крючья для колец. «Зрительный зал» до предела заполнили «ходячие» раненные.

...Концерт уже заканчивался. Вдруг в столовую вбежал майор и, прерывая шедший номер, скомандовал:

— Раненые на выход! Быстро по машинам.

Все поднялись и зашпешили к дверям, стуча костылями, поддерживая загипсованные руки. Следом за зрителями, не сняв костюмов и грима, выбежали из зала и артисты.

Двери в палаты настежь, пустые койки сдвинуты с мест. Значит, всех тяжелораненых успели вынести.

У крыльца суета. Санитары помогают раненым забраться в кузовы грузовиков с работающими моторами.

— Скорее! Скорее! — торопят они.

До слуха доносятся слова:

— Окружают... Прорвались...

Артисты только сейчас обратили внимание, что стрельба и справа и слева. Недалеко за лесом вспыхивают всполохи оружейных выстрелов. Они сливаются в непрерывный глухой гул.

Где-то совсем близко шел бой. Он охватывал местечко почти кругом.

Стало жутковато. Растерянные, не зная, что делать, они стояли на крыльце, пока на них не натолкнулся все тот же майор.

— Вы еще здесь? — удивился он. — Немедленно в машину. Вон в ту, вместе с ранеными.

Едва забрались в кузов, машина рванулась и заскакала по ухабам разбитой дороги. Выстрелы стали слышнее. Казалось, что стреляют и впереди.

Пожилой солдат с костылем, в сером госпитальном халате, принаравливаясь к тряске, крутил папироску. Скрутил, умело прикрывая от ветра огонек спички, прикурив и, выпустив густую струю махорочного дыма, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Смотри ты! Контрудар фрицы затеяли. Окружить норовят.

Но, глянув на побледневшие лица артистов, поспешил успокоить:

— А вы не сомневайтесь — разворота ему не дадут, не то теперь время.

Машины одна за другой мчались на предельной скорости. Сидящих в кузове встряхивало и бросало из стороны в сторону. Вдруг одна из идущих впереди машин зачем-то свернула на боковую дорогу, прошла всего десятков метров, и из-под колес у нее вырвался сноп пламени, донесся взрыв. Машина подскочила и перевернулась в кювет, продолжая быстро вращать колесами.

Шофер нашей машины резко тормознул. Остановились.

— Не иначе, на мину нарвался, — невозмутимо констатировал раненый с костылем. — И чего его в сторону понесло?

Сзади выскочил потрепанный «виллис». Из него высунулся майор и закричал:

— Чего остановились? Давай! Давай!

Грузовики взревели и рванулись вперед, а «виллис» майора направился к подорванной машине.

Немного приди в себя, вдруг всполошилась старушка-актриса.

— Послушайте, нельзя же, там мины. Мы тоже взорвемся. Я не хочу.

Нина Федоровна в костюме и гриме замоскворецкой свахи сидела на каком-то тюке, держась за окружающие, чтобы не вылететь на ухабе. Но сейчас от волнения она попыталась даже вскочить, но свалилась с тюка.

— А ты, бабуся, поаккуратнее, так и разбиться можно, — попытался вразумить ее солдат с костылем. — Гляди-ка и проскочим. Не всем на мины нарываться. Только держись крепче.

Через несколько километров машины вырвались на асфальтированное шоссе и вскоре остановились в затемненном городке, где размещался штаб армии. Бой остался далеко позади.

Встретил артистов начальник политотдела.

— Ух, гора с плеч! А мне сказали: артисты в окружение попали. Хотел послать за вами.

...Помнится спектакль в «хозяйстве» подполковника Рогова. Долго ехали по лесной разбитой дороге. Выехали на опушку. Здесь совсем иной лес: ряд за рядом поднятые вверх стволы орудий. Свернули в сторону и опять некоторое время ехали лесом. На большой поляне домик лесника. Вокруг тоже пушки — большие — 110-миллиметровые. Рядом с домиком уже подготовлена «сцена»: четыре грузовика сдвинуты платформами.

Встретили тепло и гостеприимно. Подполковник Рогов, невысокий, подвижной, с лукавым прищуром глаз, поздоровался и пригласил:

— Располагайтесь, товарищи. Зрители скоро соберутся. Ваши декорации сейчас установим. Женщин прошу в домик, а мужчин — в мой каз. Мне сейчас он не нужен: молчим, пока затихнет.

Капэ заметили не сразу — просто холм, поросший травой, а спустились на несколько ступенек и попадаешь в просторное бетонированное помещение.

Очень непривычно одеваться и гримироваться в такой обстановке. Герои комедии Островского: Флор Федулыч — Писарев, Дульчин — Никольский, Салай Салтан — Кеворков, Дергачев — Ратов, Лавр Миронович — Бочков не совсем удобно чувствовали себя во фраках, цилиндрах среди полевых телефонов, автоматов и гранат, висевших по стенам.

Юлия — Кемарская, Ирина — Никольская, Глафира Фирсовна — Васильева, Михевна — Нудольская и помощник режиссера, ведущая спектакль Шварц устроились в домике очень удобно.

Кончили одеваться, когда весь

домик зашатался, заходил ходуном от мощного удара пушки, той, что стояла совсем рядом. С потолка посыпались кусочки штукатурки.

Невозмутимей всех оказалась Нудольская.

— Почему так близко стреляют? Это безобразие — мешают гримироваться, — не отрываясь от зеркала, проворчала она.

Постучавшись, вошел молоденький лейтенант.

— Все готово — можно начинать.

— А стрелять больше не будут? — спросила старушка Васильева, робко выглядывая из-под шали.

— Стрелять? Зачем стрелять? — удивился было лейтенант и сейчас же расцвел белозубой улыбкой. — Нет, стрелять, наверное, не будут. Это мы сейчас вместо третьего звонка в вашу честь фрицам гостинчик послали.

Поляна заполнена зрителями. От «сцены» до конца поляны — пилотки, пилотки, а над ними густые клубы махорочного дыма. И хотя еще светло, но для большего эффекта два грузовика направили яркие фары на «сцену». Зрители принимали события так горячо, что, казалось, сами готовы вмешаться в действие и все повернуть по-своему. Особенно неслестные эпитеты слышались по адресу мерзавца Дульчина.

Обещание молодого лейтенанта — «стрелять не будут» оправдалось не до конца. Уже в последнем антракте до артистов стали доноситься далекие оружейные выстрелы и довольно близкие разрывы. Закралось беспокойство, но, глядя на невозмутимые лица зрителей, не обращающих никакого внимания на разрывы, артисты подтянулись и бодро начали последнее действие.

Вот на сцене Ирина — Никольская. Она пришла, чтобы осчастливить Дульчина: Ирина согласна бежать с ним хоть на край света. Дульчин юлит, стараясь отделаться от экспансивной девицы, не имеющей гроша за душой. Говорит ей высокопарные слова, чем еще больше разжигает ее увлечение.

— Какой благородный характер! — восклицает Ирина. — Вот и у меня такой же...

Но тут за опушкой поляны полыхнуло столбом пламя, взлетели вверх несколько вырванных с корнем деревьев, грохнул взрыв — разорвался немецкий снаряд, где-то высоко просвистели его осколки.

Актриса, прерванная на полуслове, прижимается... Нет, не к

Дульчину, а к мужу Никольскому и некоторое время смотрит на него широко открытыми глазами. Но сцена есть сцена — играть надо при любых обстоятельствах, и дрожащим голосом она продолжает:

— Видишь, какая я смелая! Итак, Вадим, или бежать или сейчас же венчаться.

Последние слова вызывают взрыв смеха и аплодисменты.

По окончании спектакля, когда все разгруппировались, в домик вбежал лейтенант.

— Подполковник просит извинить — он сейчас занят. Очень благодарит за спектакль. Думали угостить вас, но ничего не получается. Фрицы зашевелились — будем сейчас огонька давать, — сообщил оживленно лейтенант. — Машина вас ждет.

Лейтенант не торопил, но было понятно: задерживаться не следует.

Когда усаживались в машину, все вокруг потряс нарастающий грохот. Прокатился и стих.

— Не беспокойтесь — это только пристрелка, — успокаивал лейтенант.

Он тоже вскочил в кузов, чтобы проводить артистов за расположение «хозяйства».

Притихший было грохот опять начал нарастать. Мощно, сливаясь в сплошной гул, заговорили, кажется, все орудия «хозяйства». Одна за другой или по несколько раз пушки выбрасывали всплески багрового пламени. За общим грохотом не различались выстрелы отдельных орудий.

— Как же тут ехать? А если в нас попадут? — заволновалась старая актриса.

Лейтенант звонким мальчишеским голосом перекинул оружейный гул.

— Ничего страшного нет! В наступление пошли. Орудия на десяток километров вперед бьют. Здесь совсем не опасно, только шумно.

Он беззаботно улыбался, показывая ровные белые зубы. У пушек спокойно и четко работали солдаты, выполняя привычное для них дело.

Пушки грохотали, посылая тяжелые снаряды дальше и дальше на запад.

Война подходила к концу.

Пережито немало. Было все: и горечь отступления, и гибель друзей, были творческий, самозабвенный труд, фронтовые встречи в дни победных боев. Были бомбежки и артиллерийские обстрелы, голод и холод. Все это было вместе со всеми, со всем народом. А в этом главное.